

1001 ночь.

Рассказ об Ибрахиме и невольнице

Рассказывают также, что повелитель правоверных аль–Мамун сказал Ибрахиму ибн аль–Махди: "Расскажи нам самое удивительное, что ты видел!" "Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, – ответил Ибрахим. Знай, что я однажды вывел прогуляться, и нога привели меня в одно место, где я почувствовал залах кушанья. И моя душа тосковала по нему, и я остановился в замешательстве, о повелитель правоверных, и не мог ни уйти, ни войти в это помещение. И я поднял взор и вдруг вижу окно, а за окном рука и запястье, лучше которых я не видел. И мой ум улетел при виде их, и я забыл о запахе кушаний из–за этой кисти и запястья. И я стал придумывать хитрость, чтобы проникнуть в это помещение, и вдруг я увидел поблизости портного. И я подошел к нему и приветствовал его, и он ответил на мое приветствие. И я спросил: "Чей это дом?" И портной отвечал: "Одного купца". – "А как его зовут?" – спросил я. И портной ответил: "Его зовут такой–то, сын такого–то, и он разделяет трапезу только с купцами".

И пока мы разговаривали таким образом, вдруг приблизились к нам два почтенных, приятных на вид человека, которые ехали верхом, и портной сказал мне, что они состоят в самой близкой дружбе с хозяином дома, и сообщил мне их имена. И я тронул своего копя и догнал этих людей и сказал им: "Пусть я буду за вас выкупом! Отец такого то вас заждался!"

И я поехал вместе с ними, и мы достигли ворот, к – а вошел, и те два человека тоже вошли, к, увидав меня с ними, хозяин дома не усомнился, что я их друг, в сказал мне: "Добро пожаловать!" И посадил меня на самое высокое место. А затем принесли столик, и я сказал себе: "Аллах послал мне эти кушанья, но теперь остаются рука и запястье". А затем мы перешла для беседы в другое помещение, и я увидел, что оно полно всяких тонкостей, и хозяин дома стал проявлять ко мне ласку, и обращал ко мне речь, так как думал, что я гость ИЗ гостей, и гости тоже обращались со мной крайне ласково, полагая, что я друг хозяина дома. И все они были со мною ласковы, и мы выпили несколько кубков, и потом вышла к нам невольница, подобная ветви ивы, и была она крайне изящна и прекрасна по облику.

И она взяла лютню и, затянув напев, произнесла такие стихи?

"Не диво ли, что одно жилище объемлет нас,

Но близко ты подойти не хочешь, и говорят

Одни лишь глаза, о тайнах сердца вещая нам,

И душах растерзанных, что в жарком огне горят.

И знаки дает вам взор, подмигивает нам бровь,

И веки усталые, и руки, что шлют привет".

И она подняла во мне волнение, о повелитель правоверных, и меня охватил восторг при виде ее красоты и нежности и от стихотворения, которое она пропела. И я позавидовал ее прекрасному искусству и сказал: "За тобой еще кое–что осталось, о невольница". И тогда она в гневе кинула лютню и сказала: "Когда это вы приводили глупцов на ваши собрания?"

И я раскаялся в том, что случилось, и увидел, что люди порицают меня, и сказал: "Миновало меня все, на что я надеялся!" И я нашел способ отвести от себя упреки только в том, что потребовал лютню и сказал: "Разъясню, что ода пропустила в песне, которую сыграла". И люди сказали: "Внимание и повиновение!" И принесли мне лютню, а я настроил на ней струны и пропел такие стихи:

"Вот тот, кто влюблен в тебя, и терпит тоску свою

Влюбленный, чьих еле струя по телу его течет,

Рукою одной благого просит в надежде он

О счастье, другая же на сердце его лежит.

О, кто видел гибнущих страстями погубленных,

Которых гибель ждет от глаз и десницы их".

И невольница вскочила и склонилась к моим ногам, целуя их, и воскликнула: "У тебя следует просить прощения, о господин! Клянусь Аллахом, я не знала, каково твое место, и не слыхивала о таком искусстве!"

И люди стали оказывать мне уважение и почет, придя в величайший восторг, и все принялись просить меня петь. И я спел волнующую песню, и люди сделались пьяными, и их ум пропал, и их унесли в их жилища, и остался хозяин дома и невольница. И он выпил со мною несколько кубков и затем сказал: "О господин, моя жизнь пропала даром, раз я не знал подобного тебе раньше этого времени! Ради Аллаха, о господин, скажи, кто ты, чтобы я узнал моего сотрапезника, которого даровал мне Аллах сегодня ночью". И я стал говорить двусмысленно, не открывая ему своего имени, но он заклинал меня, и тогда я осведомил его, и, узнав мое имя, он вскочил на ноги..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок седьмая ночь

Когда же настала триста сорок седьмая ночь, Шахразада сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим ибн аль–Махди говорил: "И, узнав мое имя, хозяин дома вскочил на ноги и воскликнул: "Я дивился, что такие достоинства могут быть у кого–нибудь, кроме людей, подобных тебе, и время подарило мне милость, за которую я не в состоянии отблагодарить. Может быть, это сон, а если нет, то когда же мне надеяться, что посетит меня халиф в моем жилище и разделит со мной трапезу". И я заклинал его сесть, и он сел и принялся меня расспрашивать о том, как я попал к нему, самым тонким образом, и я рассказал ему всю историю с начала до конца и не скрыл из нее ничего. "Что касается кушаний, то здесь я получил желаемое, а что до ладони и кисти, то я не достиг с ними того, чего хотел", сказал я. И хозяин дома воскликнул: "И руку и кисть – ты получишь, если пожелает Аллах великий!" И потом он сказал: "О, такая–то, скажи такой–то, чтобы она спустилась", – и стал звать своих невольниц одну за одной и показывал их мне. Но я не видал моей госпожи, и наконец хозяин дома сказал: "Клянусь Аллахом, о господин, никого не осталось, кроме моей матери и сестры, но, клянусь Аллахом, они непременно будут приведены к тебе и тебе показаны, чтобы ты их увидал". И я удивился его благородству и широте его сердца и воскликнул: "Пусть я буду за тебя выкупом! Начни с сестры". И он отвечал: "С любовью и удовольствием!" И затем спустилась его сестра, и он показал мне ее руку, и вдруг я вижу – это она обладательница той кисти и запястья, которые я видел!

"Пусть я буду за тебя выкупом, – это та девушка, чью кисть и запястье я видел", – сказал я. И тогда хозяин дома велел слугам в тот же час и минуту привести свидетелей. И свидетелей привели, а потом он принес два кошелька с золотом и сказала свидетелям: "Вот наш владыка Сиди Ибрахим ибн аль–Махди, дядя повелителя правоверных, сватает мою сестру, такую–то, и я беру вас в свидетели, что выдаю ее за него замуж".

И он дал ей в приданое кошелек с золотом и сказал мне: "Я выдал за тебя мою сестру такую–то за названное приданое". И я ответил: "Принимаю это и согласен". И он отдал один из кошельков своей сестре, а другой свидетелям. "О владыка, – сказал он мне потом, – я хочу приготовить тебе одну из комнат, чтобы ты спал там со своей женой". И я смутился, увидав его благородство, и постыдился уединиться с нею в его доме и сказал: "Снаряди ее и отправь в мое жилище". И, клянусь тобою, о повелитель правоверных, он доставил ко мае столь обширное приданое, что для него были тесны наши комнаты, И потом она родила от меня этого мальчика, что стоит перед тобой".

И аль–Мамун удивился великодушию этого человека и воскликнул: "Его милость от Аллаха! Я никогда не слыхал о подобных ему!" И он велел Ибрахиму ибн аль–Махди призвать этого человека, чтобы посмотреть на него. И Ибрахим привел его к аль–Мамуну, и тот расспросил его, и ему понравилось его остроумие и образованность. И он сделал его одним из своих приближенных, и Аллах – тот, кто делает и одаряет.